

Н·С·ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Путешествие с нигилистом
(Святочные рассказы #11)

Содержание

Глава первая.....	0005
Глава вторая.....	0008
Глава третья.....	0012
Глава четвертая.....	0016
Глава пятая.....	0019

Николай Лесков

Путешествие с нигилистом

Кто скачет, кто мчится в таинственной мгле?

Гете

Глава первая

Случилось провести мне рождественскую ночь в вагоне и не без приключений.

Дело было на одной из маленьких железнодорожных ветвей, так сказать, совсем в стороне от «большого света». Линия была еще не совсем окончена, поезда ходили неаккуратно, и публику помещали как попало. Какой класс ни возьми, все выходит одно и то же – все являются вместе.

Буфетов еще нет; многие, чувствуя холод, греются из дорожных фляжек.

Согревающие напитки развивают общение и разговоры. Больше всего толкуют о дороге и судят о ней снисходительно, что бывает у нас не часто.

– Да, плохо нас везут, – сказал какой-то военный, – а все спасибо им, – лучше, чем на конях. На конях в сутки бы не доехали, а тут завтра к утру будем и завтра назад можно. Должностным людям то удобство, что завтра с родными повидаешься, а послезавтра и опять к службе.

– Вот и я то же самое, – поддержал, встав

на ноги и держась за спинку скамьи, большой сухощавый духовный. – Вот у них в городе дьякон гласом подупавши, многолетие вроде как петух выводит. Пригласили меня за десятку позднюю обедню сделать. Многолетие проворчу и опять в ночь в свое село.

Одно находили на лошадях лучше, что можно ехать в своей компании и где угодно остановиться.

– Ну, да ведь здесь компания-то не навек, а на час, – молвил купец.

– Однако иной если и на час навяжется, то можно всю жизнь помнить, – отозвался дьякон.

– Чего же это так?

– А если, например, нигилист, да в полном своем облачении, со всеми составами и револьвер-барбосом.

– Это сужект полицейский.

– Всякого это касается, потому, вы знаете ли, что одного даже трясения... паф – и готово.

– Оставьте, пожалуйста... К чему вы это к ночи завели. У нас этого звания еще нет.

– Может с поля взяться.

– Лучше спать давайте.

Все послушались купца и заснули, и не могу уже вам сказать, сколько мы проспали, как вдруг нас так сильно встряхнуло, что все мы проснулись, а в вагоне с нами уже был нигилист.

Глава вторая

Откуда он взялся? Никто не заметил, где этот неприятный гость мог взойти, но не было ни малейшего сомнения, что это настоящий, чистокровный нигилист, и потому сон у всех пропал сразу. Рассмотреть его еще было невозможно, потому что он сидел в потемочках в углу у окна, но и смотреть не надо – это так уже чувствовалось.

Впрочем, дьякон попробовал произвести обозрение личности: он прошелся к выходной двери вагона, мимо самого нигилиста, и, возвратясь, объявил потихоньку, что весьма ясно заметил «рукава с фибрами», за которыми непременно спрятан револьвер-барбос или бинамид.

Дьякон оказывался человеком очень живым и, для своего сельского звания, весьма просвещенным и любознательным, а к тому же и находчивым. Он немедленно стал подбивать военного, чтобы тот вынул папироску и пошел к нигилисту попросить огня от его сигары.

– Вы, – говорит, – не цивилильные, а вы со

шпорою – вы можете на него так топнуть, что он как бильярдный шар выкатится. Военному все смелее.

К поездовому начальству напрасно было обращаться, потому что оно нас заперло на ключ и само отсутствовало.

Военный согласился: он встал, постоял у одного окна, потом у другого и, наконец, подошел к нигилисту и попросил закурить от его сигары.

Мы зорко наблюдали за этим маневром и видели, как нигилист схитрил: он не дал сигары, а зажег спичку и молча подал ее офицеру.

Все это холодно, кратко, отчетисто, но безучастливо и в совершенном молчании. Ткнул в руки зажженную спичку и отворотился.

Но однако, для нашего напряженного внимания было довольно и одного этого светового момента, пока сверкнула спичка. Мы разглядели, что это человек совершенно сомнительный, даже неопределенного возраста. Точно донской рыбец, которого не отличишь – нынешний он или прошлогодний. Но подозрительного много: грефовские круглые очки, неблагонамеренная фуражка, не право-

славным блином, а с еретическим надзатыльником, и на плечах типический плед, составляющий в нигилистическом сословии своего рода «мундирную пару», но что всего более нам не понравилось, – это его лицо. Не патлатое и воеводственнное, как бывало у ортодоксальных нигилистов шестидесятых годов, а нынешнее – щуковатое, так сказать фальсифицированное и представляющее как бы некую невозможную помесь нигилистки с жандармом. В общем, это являет собою подобие геральдического козерога.

Я не говорю геральдического льва, а именно геральдического козерога. Помните, как их обыкновенно изображают по бокам аристократических гербов: посредине пустой шлем и забрало, а на него щерятся лев и козерог. У последнего вся фигура беспокойная и острая, как будто «счастья он не ищет и не от счастья бежит». Вдобавок и колера, в которые был окрашен наш неприятный спутник, не обещали ничего доброго: волосенки цвета гаванна, лицо зеленоватое, а глаза серые и бегают как метроном, поставленный на скорый темп «allegro udiratto». (Такого темпа в музыке, ра-

зумеется, нет, но он есть в нигилистическом жаргоне.)

Черт его знает: не то его кто-то догоняет, или он за кем-то гонится, – никак не разберешь.

Глава третья

Военный, возвратясь на свое место, сказал, что на его взгляд нигилист немножко чисто одет, и что у него на руках есть перчатки, а перед ним на противоположной лавочке стоит бельевая корзинка.

Дьякон, впрочем, сейчас же доказал, что все это ничего не значит, и привел к тому несколько любопытных историй, которые он знал от своего брата, служащего где-то при таможене.

– Через них, – говорил он, – раз проезжал даже не в простых перчатках, а филь-де-пом, а как стали его обыскивать – обозначился шульер. Думали, смиренный – посадили его в подводную тюрьму, а он из-под воды ушел.

Все заинтересовались: как шульер ушел из-под воды!

– А очень просто, – разъяснил дьякон, – он начал притворяться, что его занапрасно посадили, и начал просить свечку. «Мне, говорит, в темноте очень скучно, прошу дозволить свечечку, я хочу в поверхностную комиссию графу Лорис-Мелихову объявление написать,

кто я таков, и в каких упованиях прошу прощады и хорошее место». Но комендант был старый, мушкетного пороху, – знал все их хитрости и не позволил. «Кто к нам, говорит, залучен, тому нет прощады», и так все его впотьмах и томил; а как этот помер, а нового назначили, шульер видит, что этот из неопытных, – навзрыд перед ним зарыдал и начал просить, чтобы ему хоть самый маленький сальный огарочек дали и какую-нибудь божественную книгу: «для того, говорит, что я хочу благочестивые мысли читать и в раскаяние прийти». Новый комендант и дал ему свечной огарок и духовный журнал «Православное воображение», а тот и ушел.

– Как же он ушел?

– С огарком и ушел.

Военный посмотрел на дьякона и сказал:

– Вы какой-то вздор рассказываете!

– Нимало не вздор, а следствие было.

– Да что же ему огарок значил?

– А черт его знает, что значил! Только после стал везде по каморке смотреть – ни дыры никакой, ни щелочки – ничего нет, и огарка нет, а из листов из «Православного воображе-

ния» остались одни корневильские корешки.

– Ну, вы совсем черт знает что говорите! – нетерпеливо молвил военный.

– Ничего не вздор, а я вам говорю – и следствие было, и узнали потом, кто он такой, да уже поздно.

– А кто же он такой был?

– Нахалкиканец из-за Ташкенту. Генерал Черняев его верхом на битюке послал, чтобы он болгарам от Кокорева пятьсот рублей отвез, а он, по театрам да по балам все деньги в карты проиграл и убежал. Свечным салом смазлся, а с светилем ушел.

Военный только рукою махнул и отвернулся.

Но другим пассажирам словоохотливый дьякон нимало наскучил: они любовно слушали, как он от коварного нахалкиканца с корневильскими корешками перешел к настоящему нашему собственному положению с подозрительным нигилистом. Дьякон говорил:

– Я на его чистоту не льщусь, а как вот придет сейчас первая станция – здесь одна сторожиха из керосиновой бутылочки водку

продает, – я поднесу кондуктору бутершaft, и мы его встряхнем и что в бельевой корзине есть, посмотрим... какие там у него составы...

– Только надо осторожнее.

– Будьте покойны – мы с молитвою. Помилуй мя, Боже...

Тут нас вдруг и толкнуло, и завизжало. Многие вздрогнули и перекрестились.

– Вот оно и есть, – воскликнул дьякон, – наехали на станцию!

Он вышел и побежал, а на его место пришел кондуктор.

Глава четвертая

Кондуктор стал прямо перед нигилистом и ласково молвил:

– Не желаете ли, господин, корзиночку в багаж сдать?

Нигилист на него посмотрел и не ответил.

Кондуктор повторил предложение.

Тогда мы в первый раз услышали звук голоса нашего ненавистного попутчика. Он дерзко отвечал:

– *Не желаю.*

Кондуктор ему представил резоны, что «таких больших вещей не дозволено с собой в вагоны вносить».

Он процедил сквозь зубы:

– И прекрасно, что не дозволено.

– Так желаете, я корзиночку сдам в багаж?

– *Не желаю.*

– Как же, сами правильно рассуждаете, что это не дозволяется, и сами не желаете?

– *Не желаю.*

Взошедший на эту историю дьякон не утерпел и воскликнул: «Разве так можно!» – но, услышав, что кондуктор пригрозил «обе-

ром» и протоколом, успокоился и согласился ждать следующей станции.

– Там город, – сказал он нам, – там его и скрутят.

И что в самом деле за упрямый человек: ничего от него не добьются, кроме одного – «не желаю».

Неужто тут и взаправду замешаны корневильские корешки?

Стало очень интересно, и мы ждали следующей станции с нетерпением.

Дьякон объявил, что тут у него жандарм даже кум и человек старого мушкетного пороха.

– Он, – говорит, – ему такую завинтушку под ребро ткнет, что из него все это рояльное воспитание выскочит.

Обер явился еще на ходу поезда и настойчиво сказал:

– Как приедем на станцию, извольте эту корзину взять.

А тот опять тем же тоном отвечает:

– Не желаю.

– Да вы прочитайте правила!

– Не желаю.

– Так пожалуйста со мною объясниться к
начальнику станции. Сейчас остановка.

Глава пятая

Приехали.

Станционное здание побольше других и поотделаннее: видны огни, самовар, на платформе и за стеклянными дверями буфет и жандармы. Словом, все, что нужно. И вообразите себе: наш нигилист, который оказывал столько грубого сопротивления во всю дорогу, вдруг обнаружил намерение сделать движение, известное у них под именем *allegro udiratto*. Он взял в руки свой маленький саквояжик и направился к двери, но дьякон заметил это и очень ловким манером загородил ему выход. В эту же самую минуту появился обер-кондуктор, начальник станции и жандарм.

– Это ваша корзина? – спросил начальник.

– Нет, – отвечал нигилист.

– Как нет?!

– Нет.

– Все равно, пожалуйста.

– Не уйдешь, брат, не уйдешь, – говорил дьякон. Нигилиста и всех нас, в качестве свидетелей, попросили в комнату начальника

станции и сюда же внесли корзину.

– Какие здесь вещи? – спросил строго начальник.

– Не знаю, – отвечал нигилист.

Но с ним больше не церемонились: корзину мгновенно раскрыли и увидели новенькое голубое дамское платье, а в то же самое мгновение в контору с отчаянным воплем ворвался еврей и закричал, что это его корзинка и что платье, которое в ней, он везет одной знатной даме; а что корзину действительно поставил он, а не кто другой, в том он сослался на нигилиста.

Тот подтвердил, что они взошли вместе и еврей действительно внес корзинку и поставил ее на лавочку, а сам лег под сиденье.

– А билет? – спросили у еврея.

– Ну, что билет... – отвечал он. – Я не знал, где брать билет...

Еврея велено придержать, а от нигилиста потребовали удостоверения его личности. Он молча подал листок, взглянув на который начальник станции резко переменял тон и попросил его в кабинет, добавив при этом:

– Ваше превосходительство здесь ожида-

ют.

А когда тот скрылся за дверью, начальник станции приложил ладони рук рупором ко рту и отчетливо объявил нам:

– Это *прокурор судебной палаты!*

Все ощутили полное удовольствие и перенесли его в молчании; только один военный вскрикнул:

– А все это наделал этот болтун дьякон! Ну-ка – где он... куда он делся?

Но все напрасно оглядывались: «куда он делся», – дьякона уже не было; он исчез, как нахалкиканец, даже и без свечки. Она, впрочем, была и не нужна, потому что на небе уже светало и в городе звонили к рождественской заутрене.

Впервые опубликовано – газета «Новое время», 1882.